

Собственность въ юридическомъ смыслѣ есть право полнаго и исключательнаго господства лица надъ тѣлесною вещью. Въ общежитіи подъ С. понимаютъ часто имущество или вещь, кото-рыя принадлежатъ лицу на правѣ С. Еврейская юриспруденція, въ силу казуистическаго и прак-тическаго, а не отвлеченнаго характера ея раз-витія, не имѣть даже термина, который въ пол-ной мѣрѣ соотвѣтствовалъ бы понятію С. въ науч-номъ смыслѣ. Но существуетъ понятіе имуще-ства, принадлежащаго кому-либо на правѣ соб-ственности (ср. аналогичное явленіе въ отноше-

нів залогового права). Для этого понятия уже Библія знает ряд терминов, которые прилагаются къ тѣмъ или инымъ видамъ имущества. Недвижимости называются: 1) лих., 2) пшн., 3) пѣл., 4) Ѳзл. Движимости: 1) паро—специально для скота; возникъ въ эпоху кочевой жизни евреевъ; 2) Ѳвр.—имущество «нажитое» и 3) Ѳр—киньянъ—имущество «приобрѣтенное, купленное». Послѣдний терминъ получилъ значение всякаго движимаго имущества (Быт., 34, 23; 36, 6; Пр., 4, 7), а въ Талмудѣ сталъ прилагаться и къ недвижимостямъ. Принадлежность имущества лицу не имѣла специального обозначения, а описывалась посредствомъ притяжательныхъ мѣстонимъ и суффиксовъ. Употреблялись выражения: «мой скотъ», «мое имущество», «все, что у меня, что у тебя» и т. д. (Быт., 13, 1; 14, 23); въ Талмудѣ аналогичные обороты: $\tau\tau\tau \tau\tau \tau\tau \tau\tau$ — «мое есть мое, а твое — твое». Терминъ «киньянъ», чаще всего употреблявшийся въ значеніи «процессъ приобрѣтения» [и получивший техническое значение особаго символического способа приобрѣтения; см. Мѣна, Евр. Энц., XI, 424], рѣже сталъ обозначать совокупность вещей, приобрѣтенныхъ лицомъ и принадлежащихъ ему на право С., а также самое понятіе права собственности (ваир., йер. Гатт., I, 43d; Вавил., Гатт., 47a). Сюда же относится повторяемый въ Талмудѣ, по поводу известной контроверзы р. Іоаханана и р. Симона б. Лакишъ, оборотъ рѣчи: $\tau\tau\tau \tau\tau \tau\tau \tau\tau$ — право на плоды аналогично праву на субстанцію, т.-е. урожай на вещь, въ некоторыхъ отношеніяхъ равносильное праву собственности на нее. Такимъ образомъ въ этомъ выраженіи «киньянъ» обозначаетъ отвлеченное понятіе права С. О поземельной С. въ Библіи см. Владѣніе, Юбилейный годъ.

Ограничение права С. — Ни въ однѹмъ законодательствѣ не удавалось вполнѣ последовательно провести принципъ полноты и неограниченности власти лица надъ вещью. Права собственника всегда въ той или иной мѣрѣ ограничиваются. Римское право, въ основу которого положенъ индивидуалистический принципъ—идея наиболѣе широкой свободы личной воли, содержитъ ограничения права С. въ самомъ минимальномъ размѣрѣ. Талмудъ, который принципиально ставилъ интересы общежитія выше интересовъ отдѣльного лица, заслугъ гораздо больше такихъ ограничений. Одни ограничения установлены въ интересахъ всѣхъ членовъ общества, напр., запретъ сажать деревья у самого города, ближе чѣмъ на разстояніе 25 локтей. Собственникъ земельного участка за чертою города обязанъ вырубить имѣющіяся на немъ деревья; онъ въправѣ требовать возмѣщенія стоимости вырубленныхъ деревьевъ, если они посажены до появленія городского населенія возлѣ нихъ (случай принудительного отчужденія изъ интересахъ благоустройства); если же деревья появились послѣ того, какъ городъ уже подошелъ близко къ участку, то собственникъ ничего не получаетъ (Б. Батра, 24б; другія подобныя нормы см. Полиція и полицейское право). Не менѣе важны и многочисленны и тѣ нормы, которыя ограничиваются правомочіемъ собственника въ интересахъ его сопѣдей (см. Сосѣдское право). Наиболѣе интересны тѣ ограничительные нормы, возникновеніе которыхъ традиція связываетъ съ временемъ первоначальнаго завоеванія и заселенія Палестинѣ евреями и съ именемъ Іисуса Навина. Правда, часть приписываемыхъ Іисусу Навину нормъ носитъ на себѣ следы очень позднаго происхожденія, но онѣ обо-

аначены какъ древнія для того, чтобы пріобрѣсти больше авторитета. Во всякомъ случаѣ, формулировка традиції показываетъ, что Талмудъ принципіально считалъ право С. полнымъ и неограниченнымъ господствомъ лица надъ вещью. Сплошь въ рядомъ встрѣчавшіяся въ жизни и диктовавшіяся общественными интересами ограничения права С. представлялись Талмуду явленіемъ ненормальными съ формально-юридической точки зренія. И вотъ ненормальность эта объясняла исторически. Всѣ собственники недутъ свое право на землю отъ первоначальныхъ предковъ, которые завоевали Палестину и раздѣлили ее между собой подъ руководствомъ Иисуса Навина. И тогда будто бы былъ заключенъ договоръ, въ силу котораго каждый издѣлецъ долженъ безпрепятственно допускать на своей землѣ опредѣленныя дѣйствія, напр., собираніе ваджника, пастьбу скота въ лѣсахъ, пользованіе водой изъ источниковъ много друг. Соответствующія нормы, числомъ 10, Талмудъ мотивируетъ выражениемъ: «потому что только съ такимъ условиемъ Иисусъ отдалъ евреямъ землю въ собственность» (*רְאֵת לְמִתְּבָרָךְ עַתְּדִילְלָה רְאֵת בְּשָׁעָה*; Б. Кам., 80б, 81, 82а). Въ Талмудѣ встречаются также нормы идентичного характера и относительно движимыхъ вещей въ порой также со ссылкой на условия, заключенные Иисусомъ при заселеніи Палестины (ib.). Кроме того, Талмудъ провозглашаетъ общий принципъ, что судь безъ юридическихъ мотивовъ не правъ лишить частныхъ лицъ тѣхъ или иныхъ правомочій, и въ томъ числѣ права С., если признаетъ это полезнымъ въ общественныхъ интересахъ, что формулируется словами: *צְדָקָה יְהִי לְבָדְךָ צְדָקָה*—«имущество, объявленное судомъ безхозяйныхъ, таковыми и становится» (Леб., 39б; Maimonid, Jad, Sanhedrin, XXIV, 6).

Возникновеніе и прекращеніе С.—Въ этомъ отношеніи надо различать слѣдующіе случаи. 1) Возникновеніе права С. на вещь, ранѣе никому не принадлежавшую (безхозяйную, *res nullius*). 2) Прекращеніе права С. на вещь съ уничтоженіемъ ея или переходомъ въ разрядъ безхозяйныхъ вещей. 3) Переходъ права С. съ одного лица на другое. Въ этомъ случаѣ право С., какъ таковое, не прекращается, а происходитъ лишь перемѣна въ субъектахъ этого права. Такой переходъ можетъ состояться въ силу юридической сдѣлки со стороны прежнаго и новаго собственниковъ, но переходъ можетъ совершиться иногда и помимо воли этихъ лицъ. О случаяхъ возникновенія и прекращенія права С., въ которыхъ участвуетъ сознательная воля человека, см. Пріобрѣтеніе. Здѣсь остановимся на случаяхъ непроизвольного перехода права С. Прежде всего, необходимо разсмотрѣть оригиналный институтъ талмудического права—*jus cib., чм.* Если собственникъ лишился фактическаго владѣнія своими вещами и при томъ мысленно потерялъ надежду вернуть себѣ эти вещи, то этотъ чисто-психологический фактъ (потеря надежды) имѣеть, по Талмуду, весьма существенное юридическое значение. Талмудъ юридически признаетъ и даетъ судебную защиту только такому праву С., за которымъ стоять фактическое владѣніе, или, по меньшей мѣрѣ, если собственникъ психологически владѣть своей С., т.-е. если имѣется сознаніе собственника, что его вещь можетъ и должна вернуться къ нему. Но какъ только собственникъ лишился не только фактическаго обладанія вещью, но и надежды на получение такого обладанія, его право С. уже Талмудомъ не признается или признается

въ меньшей мѣрѣ. Именно, если вещь у собственника утеряна, то съ наступлением *jusch'a* (потери надежды) право С. прекращается, вещь становятся безхозяйными (см. Нахodka, Евр. Энц., XI). Если же вещи похищены, то одного *jusch'a* собственника недостаточно для прекращения права С.: необходимо еще переходъ вещей въ третью руку (*מִזְרָחַת מִזְרָחַת*). Въ этомъ случаѣ, третье лицо, приобрѣвшее вещь у похитителя, получаетъ право С., если доказано при этомъ, что собственникъ уже потерялъ надежду на получение въ нихъ вещей. Переходъ права С. не освобождаетъ похитителя отъ возмѣщения убытковъ. «*Jusch*» можетъ быть констатированъ показаніемъ свидѣтелей, слышавшихъ, какъ собственникъ пожалѣлъ о прошедшой потерѣ, напр., «*סְבִּרְעֵלֶל צָהָבָה*». Другимъ факторомъ, передающимъ право С. съ одного лица на другое, является существенное измѣненіе въ самой вещи (*מִשְׁבֵּת*), вслѣдствіе котораго вещь получаетъ новое хозяйственное назначеніе. Въ некоторыхъ случаяхъ и не столь существенное измѣненіе, соединяясь съ потерей надежды (*jusch*), прекращаетъ право С. прежняго владѣльца. См. Спецификація (Евр. Энц., XIV).

Уголовная защита С.—Большинство законодательствъ древнаго и новаго времени угрожаетъ за всякия противозаконныя посягательства противъ С. уголовными караими. Въ еврейскомъ же правѣ настъ поражаетъ сравнительно мягкое отношеніе къ преступленіямъ этого рода. Собственно караются только кража и присвоеніе вѣренаго, сопровождающееся ложнымъ заявленіемъ, будто вѣренное имущество украдено (см. Кража, Евр. Энц., IX). Прочія имущественные преступленія, какъ то: грабежъ, присвоеніе и растрата безъ упомянутаго заявленія, мошенничество считаются иснаказуемыми, потому что нельзя же считать наказаніемъ обязанность вернуть похищенное или его стоимость, или же обязанность прибавить $\frac{1}{5}$ стоимости похищенаго (см. Грабежъ, Евр. Энц., VI). Нѣкоторые кратки предполагаютъ, что постановленія о наказаніи за грабежъ въ Біблії существовали и лишь случайно исчезли изъ текста; другие считаютъ, что употребляемый въ Бібліи терминъ *кражи* обозначалъ и всякое другое противозаконное присвоеніе чужого имущества. Наконецъ, допускаютъ, что при экономическихъ условіяхъ той эпохи С. не имѣла значенія священнаго и не-прикосновенного института, и потому борьба закона съ имущественными преступленіями была сравнительно слабая: въ ту эпоху обычай позволялъ всякому заходить въ чужой садъ и пользоваться плодами, сколько можно съѣсть самому, въ полѣ срывать сколько угодно колосьевъ руками. (Вт., 23, 25—26). Соответствующія объясненія, однако, не примѣнимы къ Талмуду, который ничего не сдѣлалъ для усиленія карательныхъ мѣръ противъ имущественныхъ преступленій. Главнымъ образомъ, это объясняется темъ, что законодатели вообще не считали себя въ правѣ увеличивать карательную систему Бібліи. Нельзя, однако, приписать это тому, что создание Талмуда относится къ эпохѣ подчиненнаго положенія евреевъ и отсутствія у нихъ уголовной юрисдикціи. Во-первыхъ, вѣдь существовала весьма значительная эпоха, когда компетенція еврейскихъ судовъ распространялась и на уголовныя дѣла. Во-вторыхъ, юрисдикцію по имущественнымъ дѣламъ еврейскіе суды имѣли и въ эпоху Талмуда, въ слѣдовательно, въ этой сфере Талмудъ могъ такъ вѣчно выразить

болѣе суровое отношение къ ворамъ и грабителямъ. Между тѣмъ, Талмудъ старается смягчить, сузить практическое значеніе библейскихъ наказаній и проявлять весьма синекдичное отношение къ преступникамъ этого рода. Если похищенная вещь оказалась вновь во владѣніи ея собственника, хотя бы и случайно, воръ освобождается отъ уплаты двойной стоимости. Даѣше, если у грабителя вещь улучшилась, стала цѣннѣе, то улучшеніе при извѣстныхъ условіяхъ идетъ въ пользу грабителя, а онъ долженъ уплатить лишь стоимость вещи въ моментъ похищенія. Всѣ подобныя послабленія могутъ быть объяснены такъ. Правильная борьба съ преступленіями этого рода посредствомъ уголовного правосудія предполагаетъ планомерно-организованный полицейско-розыскной аппаратъ, а такого не было ни во времена самостоятельности Гедеон, ни при владычествѣ римлянъ въ Палестинѣ и персовъ въ Вавилоніи. Поэтому большинство преступлений оставались необнаруженными, а наказаніе отдѣльныхъ преступниковъ при безнаказанности большинства итъ миѣть весьма слабое устрашающее дѣйствіе. Поэтому Талмудъ счелъ болѣе цѣлесообразнымъ бороться съ этими преступленіями путемъ религиозно-нравственного воздействія. Большинство нормъ Талмуда въ этой области направлено не къ устрашению преступника, а къ облегченію ему возможности оставить свое преступное занятіе и вернуться къ честной жизни. Для этого преступникъ долженъ, времѣне всего, вернуть похищенное, возмѣстить причиненный вредъ и проч. Такое возвращеніе можетъ оказаться труднымъ или даже невозможнымъ для преступника, если онъ растратилъ похищенное и у него нѣтъ средствъ. И вотъ Талмудъ всячески старается облегчить ему его задачу. Большинство своихъ постановленій по этому вопросу Талмудъ сопровождаетъ словами: *בְּבִזְבָּדָה לֹא תַּרְצַח צָבֵב* — «для облегченія положенія кающихся грабителей». Встрѣчается это выраженіе и въ одной Мишнѣ древняго происхожденія, эпохи существованія храма (Гитт., V, 5; ср. Эд., VII, 9), изъ чего видно, что и тогда случаи добровольнаго раскаянія подобныхъ преступниковъ были чаще, чѣмъ случаи судебнаго ихъ преслѣдованія, и потому большинство талмудическихъ нормъ о грабежѣ разсчитаны именно на добровольное, а не принудительное возвращеніе похищенного. Одна байбита разсказывается: однажды грабитель хотѣлъ бросить свое ремесло и перейти къ трудовой жизни. Жена ему на это возразила, что для этого требуется возвращеніе всего похищенаго, и ему, слѣдовательно, придется лишиться всего имущества. И готовый было раскаяться преступникъ остался при прежнемъ занятіи. Для предупрежденія подобныхъ случаевъ, законоучители установили, что потерпѣвшіе не должны принимать отъ профессиональныхъ грабителей похищенное, что должно жертвовать своимъ добромъ для облегченія раскаянія и предупрежденія дальнѣйшихъ грабежей преступниковъ (Б. Кам., 94б).—Ср.: Saalschütz, Das mosaische Recht, II, 843; Hamburger, KBT., I, с. у. Eigentum u. Besitz; Mayer, Rechte der Israeliten etc., II, стр. 150—188; Fassel, Das mos-rabbin. Civilrecht, §§ 353—443; Rapoport, въ ZS. für vergleich. Rechtswissenschaft, т. XVI, стр. 82—92; Kobler, Darstellung des talmudischen Rechts, §§ 32—42, 64, въ томъ же журналѣ, т. XX, въ введеніи къ IV тому немецкаго перевода

תַּלְגָּעָדָה (Гольдшмата); Zipriowitc, זִיפְרִיוֹוַיטֶס, въ Na-Schiloach, נָא-שִׁילּוֹאַךְ, XXIV (1911), стр. 528—536. Ф. Дикштейнъ. З.